

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ БОЛИ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

(Principios de formación del campo semántico de los verbos que expresan dolor sobre el ejemplo del ruso y el español)

Марина С. Бухтеева

Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

Marina S. Buchteeva

Universidad Estatal de Humanidades, Moscú (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española № 6 (2010), 55-59

RESUMEN

En el presente artículo están expuestos los resultados de una investigación de los verbos de dolor en ruso y en español. El rasgo más importante en este campo semántico es el carácter metafórico de las unidades léxicas que lo forman. Las características más relevantes para la descripción aquí son el origen de la metáfora, la localización de la sensación y la situación que la causa.

Palabras clave: tipología léxico-semántica, verbos de dolor, metáfora.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье представлены результаты исследования глаголов болезненных ощущений в русском и испанском языках. Особенностью данного семантического поля является высокая метафоричность входящих в него лексем, а основными признаками, релевантными для описания можно назвать источник метафоры, локализацию ощущения и ситуацию-стимул.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, глаголы боли, метафора.

Семантическое поле болезненных ощущений - это совершенно особая группа принципиально отличающаяся от других семантических полей (например, глаголов движения или положения в пространстве). Особенность ее состоит в том, что боль, как нечто сугубо абстрактное, понятное только экспериецеру концептуализируется в языке через другие, менее абстрактные понятия. Результатом этого процесса является то, что семантическое поле глаголов боли при всей своей обширности практически не имеет собственных номинаций: в нем есть 1-3 общих глагола со значением 'болеть' (русский *болеть* и испанский *doler*), остальные же лексем заимствованы из других сфер путем метафорического (реже метонимического) переноса. Задачами исследования, результаты которого представлены в настоящем докладе, были выявление универсальных принципов концептуализации боли в русском и испанском языках и сравнительный анализ семантических полей боли в этих языках с описанием семантики отдельных лексем.

В ходе исследования выяснилось, что донорские зоны для заимствования лексем в область болезненных ощущений более или менее универсальны – это

- область горения или воздействия огнем (русские *гореть, жечь*, испанские *arder, escocer*),
- область инструментального воздействия (русские *колоть, резать*, испанские *dar punzadas, dar agujetas* и др.),
- область воздействия кваинструментом (русские *ломить, драить*, испанские *picar* и др.)
- область мягкой деформации структуры (русские *тянуть, дергать*, испанские *pesar, tener/sentir presión, opresión* и др.),
- область внезапного саморазрушения (русские *раскалываться, разламываться*, испанские *romperse, quebrarse* и др.),
- область движения/каузации движения (русские *кружиться, крутить*, испанские *dar vueltas, revolver* и др.),
- область звука (русские *урчать, гудеть, звенеть*, испанские *rugir, crujir* и др.)

Основная часть семантического поля глаголов боли как в русском, так и в испанском языках заполнена лексемами, перешедшими из этих областей (не считая отдельных единичных случаев). Здесь также интересно отметить тот факт, что даже те лексемы, которые на современном этапе развития языка являются собственными для семантического поля болезненных ощущений (т.е. болевое значение является для них единственным или основным), в основном происходят из тех же универсальных донорских зон с той лишь разницей, что, заимствуясь на более ранних этапах, теряют связь со своим предметным значением в процессе развития языка. Примером таких глаголов можно назвать глаголы *саднить* в русском языке и *escocer* в испанском. По данным Большого толкового словаря русского языка в современном языке болевое – первое значение глагола *саднить*, однако словарь Даля (срез языка XIX века) дает нам несколько иное значение: «оцарапать, ободрать, ссадить кожу или поверхность чего, натереть, содрать, сбить кожицу» [Даль т.4, стр.127] (*Постромка саднит, трет ногу лошади*). Таким образом, это толкование позволяет сделать вывод о том, что изначально эта лексема принадлежала к области инструментального воздействия, что подтверждается рядом примеров из Национального корпуса русского языка. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем с глаголом *escocer* в испанском языке: в настоящий момент это болевой глагол, использующийся для описания поверхностных ощущений на коже, однако изначально глагол *escocer* происходит от латинского *excoquo* (-*coxi*, -*coctum*, -*ere*) обозначающего любое воздействие высокой температурой: ‘*кипятить*’, ‘*вываривать*’, ‘*прокаливать*’, ‘*сжигать*’, ‘*расплавлять*’ и т.п. И до сих пор связь с зоной горения четко прослеживается в толкованиях этого глагола, например, в словарях Испанской королевской академии [Academia Usual 2001, Acadeia usual 1791, p390].

Непосредственно болевое значение каждого отдельного глагола определяется именно его основным значением. Так, например, уже упомянутые глаголы огня (рус. *гореть, жечь*, исп. *arder, quemar, escocer*) в основном используются в обоих языках для описания поверхностных ощущений, связанных с воздействием какого-либо едкого раздражающего вещества, температурным воздействием, аллергической реакцией, а также для описания ощущений при повышенной температуре тела. Такая закономерность кажется более, чем логичной, поскольку основой этого семантического переноса является чувственный опыт человека – ощущение от

непосредственного воздействия высокой температурой. Этим же объясняются и ограничения сочетаемости этих глаголов с наименования частей тела и органов человека: они хорошо употребляются с частями тела, имеющими внешнюю или внутреннюю поверхность (*рука, нога, глаза, горло* и т.п.) и не сочетаются с наименованиями внутренних органов (*сердце, печень* и т.п.). Кроме того, описывать поверхностные ощущения на коже могут глаголы инструментального или квазиинструментального воздействия (рус. *покалывать*, исп. *picar*), но только если они не подразумевают разрушения структуры объекта, в противном случае, они скорее будут относиться к внутренним ощущениям (ср. рус. *колоть, резать*, исп. *dar punzadas, dar pinchazos, dar agujetas*)

Однако совпадение принципов формирования отнюдь не влечет за собой тотального сходства рассматриваемых семантических полей.

В целом испанская система (как и все романские) оказывается несколько более бедной, чем русская. Это связано с тем, что русский язык является более классифицирующим и пользуется более широким набором лексем. Кроме того, испанский *doler* по сравнению с русским *болеть* является более широким и специфичным глаголом: он распространяет свое значение на целую подгруппу статичных болевых ощущений, в результате чего там, где по-русски используется три различных лексемы (*болеть, ломить, ныть*), по-испански возможно использование лишь одной – общего глагола *doler*.

В отдельных точках семантического поля испанский и русский языки используют сходные концепты для описания сходных ощущений, но и в этом случае объем получаемых значений не будет одинаков. Так, например, русский глагол *гореть* и испанский *arder* переходят в сферу болевых ощущений на основе одного и того же концепта, что ясно видно по их внутренней форме, однако, если мы проведем более детальный анализ их значений, то увидим, что эти лексемы далеко не идентичны. Оба рассматриваемых глагола описывают интенсивное поверхностное ощущение, как правило, вызванное некоторым внешним раздражителем. Однако одним из наиболее релевантных параметров, по которым можно сравнить глаголы боли является ситуация-стимул. Так для глагола *гореть* будут характерны такие стимулы как повышенная температура тела, температурное воздействие, воздействие едкого вещества, солнечный ожог, жажда, натертая кожа, рана или воспаление на коже. Употребление испанского глагола *arder* возможно лишь в первых четырех из этих ситуаций. Однако для него характерен такой стимул как аллергическая реакция (в том числе после укусов насекомых), для которого в русском языке используется отдельный глагол *зудеть*.

Как уже было сказано выше, русская система глаголов боли по сравнению с испанской является более классифицирующей. Это верно для семантического поля в целом, однако, в отдельных точках поля испанский язык может представлять более богатый набор лексем. Так, например, из области инструментального воздействия в сферу болевых ощущений испанский язык заимствует четыре различные лексемы воздействия инструментом (квазиинструментом) с заостренным концом (*picar, dar punzadas, dar pinchazos, dar agujetas*), тогда как русский использует лишь одну (*колоть*).

Таким образом, мы видим, что для описания семантического поля глаголов болезненных ощущений наиболее релевантными оказываются такие параметры как донорская зона и исходное значение лексем, ограничения на сочетаемость с

наименованиями частей тела и органов человека и ситуация-стимул, каузирующая болезненное ощущение. Именно эти параметры позволяют наиболее полно описать данное семантическое поле, а также значение каждой входящей в его состав лексемы. Кроме того, в некоторых случаях для разграничения употребления сходных лексем в аналогичных ситуациях бывает необходимо введение параметра интенсивности ощущения и некоторых других, релевантных для той или иной подгруппы глаголов.

Также, говоря об устройстве семантического поля болезненных ощущений нельзя не отметить, что лексемы, входящие в его состав, демонстрируют дальнейший перенос в психо-эмоциональную сферу, т.е. используются для описания не физического, а эмоционального или психологического состояния человека (ср. рус. *сердце щемит*). Это явление было названо вторичной метафоризацией, поскольку в этом случае метафорический сдвиг происходит на основе не основного (как можно было бы ожидать), а уже переносного болевого значения. Кроме того, в этой сфере довольно частотны метонимические переносы с эмоционального состояния на его внешние проявления или симптомы (например, *Он почувствовал тоже, что что-то поднимается к его горлу, щиплет ему в носу, и он в первый раз в жизни почувствовал себя готовым заплакать.* [Л.Н. Толстой. *Анна Каренина (1878)*])

Основные выводы:

- И в русском и в испанском языке используются сходные способы коцептуализации боли. Семантическое поле болезненных ощущений в обоих языках характеризуется высокой степенью метафоричности, причем для метафорического переноса используются аналогичные донорские зоны.
- Зачастую в русском и испанском языках используются аналогичные концепты для описания сходных видов боли, однако и в этом случае, объем получаемых значений различен. Универсальный набор фреймов или ситуаций-стимулов неодинаково распределяется между лексемами семантического поля.
- Испанский язык в целом демонстрирует менее богатую систему, чем русский.
- Тем не менее, в отдельных точках семантического поля он может быть более классифицирующим, чем русский.
- Для полного описания семантического поля и значения входящих в его состав лексем необходимо учитывать такие релевантные параметры как исходная метафора, сочетаемость с наименованиями частей тела и органов человека и каузирующий фактор ощущения. Для отдельных подгрупп глаголов может потребоваться введение дополнительных параметров.

Важной характеристикой глаголов боли как в русском, так и в испанском языке является процесс вторичной метафоризации – использование глаголов боли для описания эмоционального, а не физического состояния человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

FILLMORE, CH. J. Frame semantics//Linguistics in the Morning Calm: Selected papers from the CICOL. – 1981. - Seoul, 1982. – P. 111-137.

- GASTON-JOHANSSON, F, ALWOOD J. Pain assessment: Model construction and analysis of the words used to describe pain-like experiences // *International Journal of Semiotica*, 1988. № 71. С. 73-92.
- HALLIDAY, M.A.K. On the grammar of pain // *Functions of Language*, 1998. №5, 1. С. 1-32.
- Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G.Lakoff, M.Johnson.—Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980.— 354 p.
- MELCZAK, R., TORGENSEN, W.S. On the language of pain // *Anesthesiology*, 1971. № 34. С. 50-59.
- КУСТОВА, Г.И. Производные значения экспериенциальной составляющей // *Вопросы языкознания*, 4/2002, №2, с. 16-34
- КУСТОВА, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004
- МАЙСАК, Т. А., РАХИЛИНА, Е. В. (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. — 752 с.
- ПАДУЧЕВА, Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004

Источники:

- Diccionario de uso del español. María Moliner. Madrid, 1986
- Diccionario Salamanca de la lengua española, Barcelona, 1996
- Gran diccionario de sinónimos y antónimos. Madrid, 1989
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург, 1998
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1994
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 2000
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986
- Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1999

Интернет-источники:

- Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru>
- Словарь Испанской королевской академии (электронная версия) Real Academia Española 2001, 1780. Diccionario de la lengua española <http://buscon.rae.es/draeI/>
- Corpus del español. <http://www.corpusdelespanol.org/>
- Corpus de referencia del español actual (CREA) <http://corpus.rae.es/>
- Corpus diacrónico del español (CORDE)